

*Истории, рассказанные
после ужина*

Введение

Был канун Рождества.

Я начинаю так, потому что это — единственно правильный, добропорядочный, респектабельный способ начинать такие рассказы, а я воспитан в единственно правильном, добропорядочном, респектабельном духе и приучен всегда совершать единственно правильные, добропорядочные, респектабельные поступки; эта привычка очень сильна во мне.

Разумеется, просто ради информации указывать точную дату в данном случае нет никакой необходимости. Искушенный читатель и без меня знает, что был канун Рождества. В рассказе с привидениями дело всегда происходит в канун Рождества.

Канун Рождества привидения отмечают весьма торжественно. В канун Рождества они устраивают свой ежегодный праздник. В канун Рождества всякий в Стране Привидений, кто хоть что-нибудь из себя представляет, — или, пожалуй, относительно привидений правильнее будет сказать: всякий, кто ничего из себя не представляет, — выходит на землю, чтоб себя показать и на других посмотреть, чтобы прогуляться немного и похвастаться своим саваном или иным могильным туалетом, позлословить насчет того, кто как одет, и поязвить на тему о том, у кого какой цвет лица.

«Рождественский парад» — я думаю, они сами употребляют именно этот термин — это такое торжество,

к которому готовятся заранее и которого ждут с нетерпением во всей Стране Привидений, в особенности всякие важные особы вроде злодейски умерщвленных баронов и преступных графинь, а также графов, из тех, что пришли в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем, перерезали своих родичей и умерли в состоянии буйного помешательства.

Во всех углах духи с большим старанием упражняются в глухих столах и дьявольских усмешках. За много недель начинают они репетировать вопли, от которых стынет кровь, и жесты, от которых ужас проникает до мозга костей. Заржавевшие цепи и окровавленные кинжалы подвергают тщательному осмотру и приводят в полный порядок; а саваны и гробовые покровы, отложенные с прошлого года и бережно хранимые в сундуках, снова извлекают наружу, вытряхивают, чинят и проветривают.

Да, волнующее это время, ночь под Рождество!

В ночь на 26 декабря, как вы, вероятно, могли заметить, привидения не появляются. Надо полагать, сочельника им более чем достаточно, они не привыкли к волнениям. Всю неделю после Рождества привидения-джентльмены ходят с тяжелой головой и дают себе торжественные обещания на будущий год оставаться в сочельник дома; а духи-леди раздражительны и взвинчены и, когда к ним обращаются, готовы в любой момент разразиться слезами и выбежать из комнаты без всякой к тому причины.

Привидения попроще, те, кому не надо заботиться о том, чтобы их поступки соответствовали их высокому положению, иногда все-таки появляются в неурочное время: в канун Дня Всех Святых, в Иванов день; а некоторые даже выходят на землю просто по поводу событий местного масштаба — например, чтобы отпраздновать годовщину со дня повешения чье-

го-нибудь дедушки или чтобы предсказать какое-нибудь несчастье.

Ох и любит же предсказывать несчастья средний британский дух! Отправьте его возвестить кому-нибудь беду — и он счастлив. Дайте ему ворваться в мирное жилище и перевернуть там все вверх дном предзнаменованием похорон, или предвестием банкротства, или намеком на предстоящее бесчестье, или на какое-нибудь другое ужасное несчастье, о котором ни один нормальный человек не захотел бы знать заранее, раз уж тут все равно ничем не поможешь, — и он чувствует, что сочетает приятное с полезным. Он никогда бы не простил себе, если б в его бывшей семье с кем-нибудь случилась беда, а он не появился бы там месяца за два до этого события, не выделывал бы всяких дурацких фокусов на лужайке перед домом или не балансировал на спинке чьей-нибудь кровати.

А бывают еще очень молодые или очень совестливые привидения с потерянным завещанием или какой-либо тайной, тяготеющей над ними; эти являются постоянно, круглый год; или же какой-нибудь неугомонный покойник, преисполненный негодования по поводу того, что местом его погребения оказалась мусорная куча или деревенский пруд, — он целому приходу не даст житья, являясь каждую ночь, пока кто-нибудь не устроит ему за свой счет похороны по первому разряду.

Но это все исключения. Как я уже сказал, средний добропорядочный дух выходит прогуляться раз в год, в канун Рождества, и с него довольноно.

Почему именно в канун Рождества, я и сам никогда не мог понять. Из всех дней в году это самое неподходящее время для прогулок — холодное, грязное, сырое. И потом, на Рождество всегда набивается полон дом живых родственников, так что забот и без

того хватает и никто не испытывает нужды в общении с умершими родными, печально и сонно бродящими по комнатам.

Наверно, есть что-то такое в душной, замкнутой атмосфере Рождества, какой-то особый праздничный дух, который привлекает к себе духов, все равно как сырость после летнего дождя вызывает появление лягушек и улиток.

И мало того что сами привидения всегда бродят по земле в канун Рождества, — в канун Рождества живые люди всегда сидят и разговаривают о привидениях.

Всякий раз, как пять-шесть человек, говорящих по-английски, рассядутся в сочельник вечером у камина — они сразу же принимаются рассказывать друг другу истории о привидениях. Мы не успокоимся, пока не выслушаем в канун Рождества несколько рассказов о призраках. Это веселое, праздничное время, вот нам и приятно размышлять о могилах, трупах, убийствах и кровопролитиях.

Во всех наших рассказах о встречах с привидениями очень много общего, но это, уж конечно, не наша вина, а вина самих привидений, которые не желают испробовать какой-нибудь новый номер и упорно придерживаются старой, испытанной программы. В результате, стоит вам однажды в канун Рождества выслушать шесть рассказов о приключениях, в которых замешаны призраки, и больше вам уж никогда не нужно слушать историй с привидениями. Если после этого вам кто-нибудь опять будет рассказывать о привидениях, вы почувствуете себя так, как будто посмотрели две веселые комедии или прочитали два юмористических журнала: повторение окажется несколько утомительным.

Вам непременно расскажут про некоего молодого человека, который однажды на Рождество гостил

в имени у своих друзей, и как раз в канун Рождества его помещают на ночь в западном крыле дома. Посреди ночи дверь в его комнату тихо открывается, и кто-нибудь — обычно леди в ночной сорочке — медленно подходит к нему и садится на край кровати. Молодой человек думает, что это, должно быть, какая-нибудь гостья или дальняя родственница хозяев, страдающая от бессонницы и одиночества, зашла к нему в комнату поболтать, хотя раньше он как будто ее и не встречал. Он и не подозревает о том, что это привидение: он такой простодушный. Однако она так и не заговаривает с ним, а когда он опять смотрит на то место, где она только что сидела, — ее уже нет!

На следующее утро за завтраком молодой человек излагает собравшимся эти обстоятельства и спрашивает каждую из присутствующих дам, не она ли была его ночной посетительницей. Но все дамы заверяют его, что это не они; а хозяин, страшно побледнев, умоляет не говорить больше на эту тему, что представляется молодому человеку на редкость странной просьбой.

После завтрака хозяин отводит молодого человека в угол и объясняет ему, что ночью он видел призрак одной леди, которая была убита в этой самой кровати — или которая сама там кого-нибудь убила, — какой именно вариант будет использован, не имеет значения: привидением можно стать или если убьешь кого-нибудь, или если тебя самого кто-нибудь убьет, — кому что нравится. Пожалуй, привидение-убийца популярнее, но, с другой стороны, убитому легче пугать людей: он может показывать свои раны и испускать стоны.

Еще рассказывают про гостя-скептика. Кстати сказать, в историях такого рода всегда бывает запутан гость. Привидение невысоко ценит своих родных, оно

предпочитает уделять внимание гостю, тому гостю, который, выслушав вечером в канун Рождества страшный рассказ хозяина, начинает смеяться и говорит, что он вовсе не верит в духов и что эту ночь, если ему позволят, он готов провести в той самой комнате, где, по словам рассказчика, появляется привидение.

Все отговаривают его от этого опрометчивого поступка, но он упорствует в своем безрассудстве, подымается в Желтую комнату (или какого бы она там ни была цвета) с легким сердцем и со свечой в руке, желает всем спокойной ночи и закрывает дверь.

На следующее утро оказывается, что за ночь он весь поседел.

Он никому не говорит о том, что видел, — это было слишком ужасно.

Рассказывают также про храброго гостя, который видит привидение, и знает, что это привидение, и следит за тем, как оно появляется в комнате и затем уходит сквозь стену, после чего, поскольку становится очевидным, что привидение не собирается возвращаться и, следовательно, дальнейшее бодрствование бессмысленно, гость засыпает.

Он никому не говорит о том, что видел привидение, чтобы не пугать людей без нужды, — некоторые очень волнуются, когда слышат о привидениях, — но сам решает дождаться следующей ночи и посмотреть, появится ли оно опять.

И оно появляется опять, но на этот раз он встает с кровати, одевается, причесывается и идет за ним; и обнаруживает потайной ход, ведущий из его комнаты вниз в пивной погреб, — ход, которым, без сомнения, нередко пользовались в недоброе старое время.

Затем следует молодой человек, который проснулся со странным чувством среди ночи и увидел, что около постели стоит его богатый холостой дядюшка. Богатый дядюшка улыбается какой-то роко-

вой улыбкой и исчезает. Молодой человек сразу же встает и смотрит на часы. Они стоят, так как он забыл их завести, и стрелки показывают половину пятого.

На следующий день он узнает, что, как это ни странно, его богатый дядюшка, которому он приходился единственным наследником, женился на вдове с одиннадцатью детьми, и произошло это всего два дня тому назад ровно без четверти двенадцать.

Молодой человек даже не пытается объяснить это необычайное совпадение. Он может только поручиться, что все, им рассказанное, является истинной правдой.

А еще рассказывают, как некий джентльмен, возвращаясь домой поздно вечером с обеда в масонской ложе, замечает свет в развалинах старого монастыря, тихонько подкрадывается и смотрит в замочную скважину. Он видит, как дух «серой сестры» целуется с духом коричневого монаха, и он до такой степени шокирован и перепуган, что тут же лишается чувств, и наавтра его находят лежащим в состоянии полной беспомощности у самой двери; говорить он еще не может, но крепко сжимает в руке свой верный старый ключ.

Все эти вещи происходят в канун Рождества, и рассказывают о них тоже в канун Рождества. В современном английском обществе ни один рассказ с привидениями не может быть рассказан ни в какое другое время, кроме вечера 24 декабря.

В силу всего вышеозначенного я понимаю, что, приступая к изложению печальных, но доподлинных историй с привидениями, которые я привожу ниже, нет никакой надобности уведомлять читателей, знакомых с англосаксонской литературой, о том, что все это было рассказано, и события, о которых говорится, происходили в канун Рождества.

Тем не менее я это делаю.

ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ МЫ НАЧАЛИ СВОИ РАССКАЗЫ

Это было в канун Рождества! В канун Рождества у моего дядюшки Джона; в канун Рождества (что-то слишком уж много канунов Рождества для одной книги. Я и сам это чувствую. Это становится чересчур однообразным даже для меня. Но я не вижу, как можно было бы теперь этого избежать) в доме № 47, Лэбернем-Гроув, Тутинг! В канун Рождества, в гостиной, слабо освещенной свечами (бастовали рабочие газовой компании), где пляшущее пламя бросало причудливые тени на очень пестрые обои, в то время как снаружи, на пустынных улицах, бушевала свирепая буря и ветер, подобно какому-то беспокойному духу, летел со стонами через площадь и с воем сворачивал за угол у молочной лавки.

Мы только что поужинали и теперь беседовали и курили, не вставая из-за стола.

Ужин был очень хорош — бесспорно, прекрасный ужин. Впоследствии в связи с этим ужином в нашей семье возникли кое-какие недоразумения. Распространялись слухи обо всей этой истории вообще и о моей в ней роли в частности, высказывались мнения, которые не так уж удивили меня — потому что я знаю своих родственников, — но которые сильно меня огорчили. Что до моей тети Марии, я даже не знаю, когда мне снова захочется с ней увидеться. Уж она-то могла бы знать меня получше.

Но та несправедливость — вопиющая несправедливость, как я докажу потом, — которая была допущена по отношению ко мне, не мешает мне быть справедливым по отношению к другим, даже к тем, кто жестоко оскорбил меня. Я ведь отдаю должное паштету из телятины, которым кормила нас тетя Ма-

рия, и жареным омарам, за которыми последовали сдобные ватрушки собственного тетиного изготовления, тепленькие (на мой взгляд, есть холодные ватрушки глупо — весь вкус пропадает) и запитые старым элем дяди Джона, — и признаю, что все это было очень вкусно. Я и тогда отдал должное ужину, сама тетя Мария вынуждена была признать это.

После ужина дядюшка сварил немного пунша на виски. Ему я тоже отдал должное, дядя Джон сам это говорил. Он сказал: «Рад видеть, что пунш тебе понравился».

Вскоре после ужина тетя ушла спать, оставив дядю в обществе старого доктора Скраблза, помощника приходского священника, нашего депутата в совете графства мистера Сэмюэля Кумбза, Тедди Биффлза и меня. Мы решили, что еще не время сдаваться, и дядюшка сварил вторую чашу пунша; и я полагаю, что мы все отдали должное пуншу — во всяком случае, я-то отдал, это я точно знаю. У меня это прямо страсть какая-то — всегда поступать по справедливости.

Потом мы долго еще сидели, и доктор сварил пунш на джине, для разнообразия, хотя я лично большой разницы не почувствовал. Но все это было хорошо, и мы были очень счастливы — все были так любезны друг с другом.

Дядя Джон рассказал нам одну очень смешную историю. О, это в самом деле была смешная история! Я не помню сейчас, о чем она была, но знаю, что тогда она очень меня позабавила; я, кажется, еще никогда так не смеялся. Даже удивительно, что я не могу припомнить эту историю, — ведь он рассказывал нам ее четыре раза! И только по нашей вине не рассказал в пятый. После этого доктор спел нам очень забавную песню, где ему по ходу дела надо было подражать голосам домашних животных и птиц. Правда, он спутал

их немного. Он кричал ослом, когда речь шла о петухе, а изображая свинью, кукарекал. Но мы прекрасно поняли, что он имел в виду.

Я начал было рассказывать один очень интересный анекдот, но вскоре с некоторым удивлением заметил, что никто не обращает на меня ни малейшего внимания. Сначала я подумал, что с их стороны это довольно невежливо, но потом до меня дошло, что, оказывается, все это время я говорил про себя, а не вслух, так что они, конечно, вовсе и не знали, что я им что-то рассказываю, и, наверное, никак не могли понять, что означают мои красноречивые жесты и оживленное выражение лица. Вот уж действительно презабавнейшая ошибка! Никогда прежде со мной не случалось ничего подобного.

Потом помощник нашего священника стал показывать карточные фокусы. Он спросил нас, не приходилось ли нам когда-нибудь видеть игру, которая называется «три листика». Он сказал, что это такое измышление ума, при помощи которого низкие, бесовские люди, постоянные посетители скачек и тому подобных зланных мест, обманом отнимают деньги у неразумных юношей. Он сказал, что это очень простой фокус: все зависит от ловкости рук. Ловкость рук обманывает глаз. Он сказал, что покажет нам этот жульнический прием, чтобы мы были начеку и не попадались на удочку. Достав из чайницы дядюшкину колоду карт, он вытащил из нее три карты, две простые и одну картинку, сел на коврик перед камином и объяснил нам, что он будет делать.

Он сказал:

— Вот я беру эти три карты в руки — так — и показываю их вам. А затем я их спокойно положу на коврик рубашкой вверх и попрошу вас показать, где лежит картинка. И вам будет казаться, что вы знаете, которая из них картинка. — И он проделал все это.

Старый мистер Кумбз — он у нас также церковный староста — сказал, что картинка в середине.

— Вам кажется, что вы ее видели, — сказал помощник нашего священника, улыбаясь.

— Мне совершенно ничего не «кажется», — ответил мистер Кумбз. — Я вам говорю, что она в середине. Я ставлю полкроны за то, что она в середине.

— Вот видите, это как раз то, о чем я вам говорил, — сказал помощник нашего священника, поворачиваясь к нам. — Вот таким способом завлекают в сети неразумных юношей и выманивают у них деньги. Они уверены, что знают карту, им кажется, что они ее видели. Они не уловили той истины, что ловкость рук обманывает их глаз.

Он сказал, что знал молодых людей, которые отправлялись на лодочные гонки или на крикетный матч с несколькими фунтами в кармане и возвращались домой еще засветло без гроша за душой, потеряв все свои деньги в этой безнравственной игре.

Он сказал, что возьмет полкроны мистера Кумбза, потому что это послужит мистеру Кумбзу очень серьезным уроком и, быть может, окажется в будущем средством для спасения денег мистера Кумбза; а два шиллинга шесть пенсов он отдаст в церковный фонд.

— Насчет этого вы не волнуйтесь, — возразил мистер Кумбз. — Подумайте лучше о том, как бы вам не взять полкроны из церковного фонда.

И он положил деньги на среднюю карту и открыл ее.

Как ни странно, но это была действительно дама.

Все мы очень удивились, а помощник нашего священника в особенности.

Он сказал, что иногда, правда, бывает, что человек угадывает карту... случайно.

Помощник нашего священника сказал, что это самое худшее из зол, которые человек может себе при-

чинить, потому что когда попытаешь счастья и с первого раза выиграешь, тоходишь во вкус этой так называемой игры и увлекаешься до того, что готов снова и снова рисковать своими деньгами, пока наконец не будешь вынужден оставить поле сражения разорившимся, погибшим человеком.

Потом он опять стал показывать нам свой фокус. На этот раз мистер Кумбз сказал, что дама легла с краю, у ведерка с углем, и хотел положить на эту карту пять шиллингов.

Мы стали смеяться над ним и отговаривать его. Но он не желал слушать никаких советов и настаивал на своем.

Помощник нашего священника сказал тогда, что, ну что ж, очень хорошо, он его предупредил. Если он (мистер Кумбз) твердо решил оказаться в дураках, пусть он (мистер Кумбз) делает как хочет.

Помощник нашего священника сказал, что он возьмет эти пять шиллингов и внесет недостающую сумму обратно в церковный фонд.

Мистер Кумбз положил две полукроны на ту карту, что лежала ближе к ведерку с углем, и открыл ее.

Хотите верьте, хотите нет, но это опять была дама!

После этого дядя Джон поставил флорин и тоже выиграл.

А потом мы все стали играть, и все выигрывали. То есть все, кроме помощника священника. Ему здорово досталось за эти четверть часа. Никогда не видел человека, которому бы так отчаянно не везло в карты. Он каждый раз проигрывал.

После этого дядюшка стал опять варить пунш, причем допустил забавную оплошность: забыл влить виски. Ох и посмеялись же мы над ним! И в наказание заставили его потом добавить двойную порцию виски.

Да, мы как следует позабавились в тот вечер!

А потом, очевидно, дело так или иначе дошло до привидений, потому что мое следующее воспоминание относится к тому моменту, когда мы рассказываем друг другу истории с привидениями.

Рассказ Тедди Биффлза

Первую историю рассказал Тедди Биффлз. Я даю ему возможность повторить ее здесь слово в слово.

(Не спрашивайте меня, как я сумел запомнить в точности его слова — застенографировал ли я их тогда, или же рассказ был у него записан и он вручил мне рукопись позднее, чтобы я опубликовал ее в этой книге, — я все равно не скажу, даже если вы и спросите. Это — секрет производства.)

Биффлз озаглавил свой рассказ —

ДЖОНСОН И ЭМИЛИ, ИЛИ ВЕРНЫЙ ДУХ

Я был еще совсем мальчишкой, когда впервые познакомился с Джонсоном. Я приехал домой на рождественские каникулы, и в сочельник мне позволили лечь спать попозже. Когда я открыл дверь своей маленькой спальни и хотел войти, я столкнулся лицом к лицу с Джонсоном, который как раз выходил оттуда. Он прошел сквозь меня и с протяжным жалобным воем скрылся через окно на лестнице.

В первый момент я перепугался — ведь я был еще школьником в то время и никогда прежде не видел привидений — и даже боялся сначала ложиться. Но, поразмыслив, я вспомнил, что духи могут причинить вред только грешникам, и, поплотнее укутавшись в одеяло, заснул.

Утром я рассказал родителю о том, что видел.

— Да-да, это старик Джонсон, — сказал он. — Ты его не бойся, он здесь живет. — И он рассказал мне историю этого бедняги.

Оказалось, что Джонсон, когда он был еще живой, любил в юности дочку прежнего съемщика нашего дома, очень красивую девушку по имени Эмили. Фамилии ее отец не знал. Джонсон был слишком беден, чтоб жениться на ней, поэтому он, поцеловав ее на прощание, сказал, что скоро вернется, и уехал в Австралию добывать себе состояние.

Но тогда Австралия была не то что теперь. На диких землях, поросших кустарником, путешественников было мало, а если они и попадались, то обычно того движимого имущества, что удавалось обнаружить на трупе, едва лишь хватало на то, чтобыкупить необходимые похоронные издержки. Так что Джонсону понадобилось почти двадцать лет для того, чтобы сколотить себе состояние. Тем не менее задача, которую он себе поставил, была наконец разрешена, и тогда, счастливо улизнув от полиции, он покинул колонию и, полный радости и надежды, вернулся в Англию за своей невестой.

Он добрался сюда и нашел этот дом заброшенным и безмолвным. Все, что могли ему сказать соседи, сводилось к тому, что однажды туманным вечером, вскоре после его отъезда, вся семья тихо и скромно удалилась в неизвестном направлении и с тех пор никто ничего о них не знает, хотя и домовладелец, и большинство местных торговцев не раз подавали заявления о розыске.

Бедный Джонсон, обезумев от горя, разыскивал свою пропавшую возлюбленную по всему свету. Но ему так и не удалось ее найти, и после долгих лет бесплодных поисков он вернулся, чтобы провести оста-

ток дней своих в том самом доме, где в давно минувшие счастливые времена он вкушал блаженство в обществе своей обожаемой Эмили.

Он жил там совсем один и дни и ночи бродил по пустым комнатам, плача и призывая свою Эмили, а когда бедный старикан умер, дух его продолжал его дело.

Он уже был там, когда мой отец снял этот дом, и агент даже снизил из-за него арендную плату на десять фунтов в год.

После этого я тоже постоянно встречал Джонсона в любое время ночи. Сначала мы обходили его и сторонились, чтобы дать ему пройти, но потом, когда мы к нему привыкли и можно уже было отбросить эти церемонии, мы стали проходить прямо сквозь него. Нельзя сказать, чтоб он нам особенно мешал.

К тому же это было доброе, безобидное старое привидение, и мы все ему очень сочувствовали и жалели его. А у женщин он одно время был просто любимчиком. Их так трогала его верность.

Но мало-помалу он стал нам надоедать. Уж очень он был печальный. В нем не было ничего жизнерадостного и веселого. Его было жалко, но он вызывал раздражение. Он мог часами сидеть на лестнице и плакать. И когда бы вы ни проснулись ночью, вы непременно слышали, как он слоняется по коридорам и комнатам со стонами и вздохами, так что уснуть снова было не так-то легко. А когда у нас бывали гости, он имел привычку усаживаться в дверях гостиной и громко рыдать. Особого вреда от этого никому не было, но настроение у всех, конечно, портилось.

— Ох и осточертел же мне этот старый дурак, — сказал родитель однажды вечером (папа, как вы знаете, может быть очень резким, если его вывести из

Джером Дж. К.

Д 40 Человек, который не верил в счастье : повести, рассказы / Джером Клапка Джером ; пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейн, Н. Роговской, Г. Островской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-10808-0

Для русских читателей имя Джерома К. Джерома является воплощением английского юмора и неразрывно связано с блистательным романом «Трое в лодке, не считая собаки», переведенным на десятки языков и многократно экранизированным. Между тем творчество писателя включает и другие романы, пьесы, юмористические эссе и новеллы, которые порой незаслуженно остаются в тени его знаменитого шедевра. В настоящем издании представлены рассказы Джерома, большая часть которых публикуется в новых переводах; изначально эти произведения увидели свет в литературных лондонских журналах, а затем были изданы в виде отдельных сборников: «Истории, рассказанные после ужина» (1891), «„Джон Ингерфилд“ и другие рассказы» (1894), «Этюды в лавандовых тонах, синих и зеленых» (1897). Наряду с уморительно смешными рассказами, в которых легко угадывается искрометный автор романа «Трое в лодке», есть и такие, что открывают новые грани в творчестве писателя. По признанию автора, они были написаны «не для того, чтобы вызывать смех», и обращены к тайнам подсознания и парадоксам человеческой души, нашим скрытым желаниям и страхам, а также к той тонкой грани, что отделяет нас от мира необъяснимых и странных явлений.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ВЕРИЛ
В СЧАСТЬЕ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Наталья Витько, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.12.2023.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ООО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page — www.tvrpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tvrpk.ru

A-AKB-18840-01-R